

ПАРАДОКСЫ КУЛЬТУРЫ

РАЗГОВОР С ПРОЗАИКОМ И ДРАМАТУРГОМ ЮРИЕМ ПОЛЯКОВЫМ

Екатерина ГЛУШИК. Юрий Михайлович, в своём творчестве вы отражаете события актуальной жизни — происходящее здесь и сейчас. Писать об этом, с одной стороны, легко: что вижу, то пою. С другой стороны, непросто заинтересовать тем, что человек и сам знает. Чем вы завоёвываете внимание избалованного выбором книг читателя?

Юрий ПОЛЯКОВ. Не думаю, что читатель сегодня избалован широтой качественного выбора. А чепухи всегда на полках было в достатке. Большинство писателей пишут о том, что их окружает. Тургенев, например, в своё время был суперактуальным писателем, его даже обвиняли в конъюнктуре: только негилисты зародились, он уже про них роман выпускает — "Отцы и дети". Достоевский писал на злободневные темы, плотно работал с текущей периодикой, многие сюжеты своих произведений брал из судебных отчётов. Конечно, есть жанр исторический, есть писатели-фантасты, но любой реалист пишет об окружающем его мире. Иное дело, что книги одних авторов интересны небольшому кругу людей на небольшом отрезке времени. А другие, их немного, становятся классикой. А насколько эта актуальность будет интересна спустя годы, зависит от того, как глубоко раскрыты темы, как живо написаны характеры, насколько хорош слог. Сейчас, к сожалению, литературу практически перестали оценивать по уровню языка. Зашла как-то речь о лауреате премии "Ясная Поляна", произведение которого очень плохо написано — бедным, корявым, почти нерусским языком. И вдруг слышу от критика: "Но не это же главное в литературе". А что тогда? В живописи главное — цвет, в литературе — язык. Однако появилась целая тусовка критиков, для которых язык произведения не главное. Но читатель, кстати, безошибочно определяет, что достойно внимания, интересно, а что нет. Лживой и агрессивной критикой можно его обить с толку, но лишь на какое-то время. Автор по-настоящему задерживается в литературе только тогда, когда его начинают перечитывать. Классик — это перечитываемый писатель. Если тебя перечитывает одно поколение — ты маленький классик, если два — ты классик побольше. А если тебя, как Шекспира или Пушкина, перечитывают из поколения в поколение — ты мировой классик.

Екатерина ГЛУШИК. Особенность вашего стиля — афористичность, ваш язык изобилует метафорами. Наш незабвенный друг Дзюльетто Кьеза, прекрасно знавший русский язык, ценил ваши книги, но говорил, что их трудно перевести на другой язык: столько игры слов, аллюзий. То есть ваше достоинство как писателя превращается в этакую мину.

Юрий ПОЛЯКОВ. Я помню наши совместные походы на постановки моих пьес в Московский художественный театр, в театр Рубена Симонова. Да, Дзюльетто хорошо знал русский язык, но, как многие иностранцы, не улавливал идиоматические тонкости, смыслы, понятные носителям языка. На спектакле "Контрольный выстрел" в театре Дорониной, помню, все смеются, а он удивляется: чему? Пришлось объяснить, и он согласился: да, это смешно. В принципе, любая хорошая литература непереводаима на сто процентов. Особенно поэзия. С прозой полечче, хотя не со всякой. Мне трудно себе представить, насколько хорошо на другие языки переводят Достоевского с его постоянным пародированием предшественников, с отсылками к текущим событиям. Думаю, иностранные переводчики просто не заморачиваются на этот счёт. У нас была великая школа художественного перевода, умевшая найти русский эквивалент самой сложной языковой фигуре оригинала. Автор заранее знает: чем тоньше он работает со словом, тем сложнее его будет перевести. А что делать? К сожалению, многие современные прозаики пишут таким бедным языком, что на английский, например, их можно перевести с помощью школьного словарика, где всего три тысячи слов. Некоторые мои вещи изданы за рубежом, и переводчики жаловались на трудности. Кстати, на китайском вышли все мои основные произведения. Китайский переводчик, профессор Джан, если что-то ему было непонятно, писал подробный вопросник, а я так же досконально объяснял "трудные места". Однажды я спросил, не возникает ли лексических проблем при переводе эротических эпизодов. Он на меня смущённо посмотрел: "Юрий Михайлович, по сравнению с китайской эротической лексикой русская — это детский сад, это пустыня Гоби. У нас с этим всё в порядке. Смело и дальше пишите эротику, обогащайте язык!"

Екатерина ГЛУШИК. Когда была учреждена Сталинская премия, в том числе в области литературы, произведения лауреатов Сталин отбирал сам, а премияльный фонд формировался на деньги от гонимых за его статьи и книги. А сейчас учреждено множество премий имени литературных классиков: и Толстого — одного, другого, третьего, и Есенина, и Бунина... Интересно, сами классики одобрили бы произведения "своих" лауреатов? Вы тоже лауреат такого рода премий. Вам перед классиками не стыдно за свои произведения?

Юрий ПОЛЯКОВ. Перед классиками всегда стыдно, до них расти и расти. Когда сравниваешь себя с лауреатом премии "Ясная Поляна", чувствуешь себя титаном, а когда сравниваешь с главным жителем Ясной Поляны — пигмеем.

Конечно, во многом премии девальвированы, их раздают по принципу "как не порадует родному человечку". Текст почти не имеет значения. У меня есть некий опыт. Я входил в число "академиков" премии "Большая книга", но не особенно вникал в тонкости кухни. Вдруг меня сделали сопредседателем премии, я вблизи посмотрел и говорю: "Это что ещё за лохотрон? Вы играете в какие-то свои игры, суёте в лауреаты бывших жён, будущих мужей, отцов, дочерей, идеальных сторонников, коллег по нетрадиционной сексуальной ориентации — кого угодно, только не действительно талантливых писателей". И сложил с себя полномочия академика. Был скандал. В одном из последних выпусков "Бесогона" Михалков, говоря о "Большой книге", кому её дают, цитировал мою статью восьмилетней давности. Мог бы и раньше заметить...

Вообще премия "Большая книга" и структура "Роспечать", которая её курирует — это горе нашей словесности. Не знаю, принёс ли это больше вреда отечественной литературе, чем Роспечать? Может, какой-нибудь Пролеткульт? И то не уверен. Пролеткульт просуществовал сравнительно короткий отрезок времени, у большевиков хватило ума понять, что страна идёт к войне и надо экспериментировать с культурой соврачивающей. Патриотов воспитывает традиция. "Три богатыря", а не "Чёрный квадрат". А у нас тридцать лет в кубики играют. Даже начавшаяся Специальная военная операция не заставила руководство разорваться: что же в литературе происходит? Как так вышло, что значительная часть лауреатов "Большой книги" оказалась среди подписантов протеста против СВО? Это же не случайное совпадение.

Екатерина ГЛУШИК. Действительно, то, о чём сейчас заговорили громко и с высокими трибунов, вы писали много лет назад. У вас вышла статья, а потом и книга "Перелётная элита". На эту тему

кто-то говорил урывками, намечая вопрос, а вы чётко поставили проблему, сказали, кто виноват и что делать. Ещё тогда вы дали всем этим испуганным патриотам и голым вечеринкам исчерпывающую оценку. К вашему голосу хоть кто-то из власти имущих прислушался?

Юрий ПОЛЯКОВ. Имевшие уши слышали, но решения при этом принимали удивительные. Лет десять назад разразился скандал, когда мы в "Литературной газете" написали о постановке в театре Вахтангова "Евгения Онегина" с явными русофобскими выпадами. Это страшно обидело тогдашнего худрука Римаса Туминаса, который был этаким нежитьелем, причём русофобом-нежитьелем.

Но там же кроме него были и технические исполнители. Они написали открытое письмо мне, что мы клеветшем на театр и лично на Туминаса, к слову, гражданина Евросоюза. Что тут началось! Визг, коллективные письма. Больше всех бушевал и пенился директор театра Кирилл Крок. В итоге нас всех вызвали в Администрацию Президента...

Екатерина ГЛУШИК. На ковёр?

Юрий ПОЛЯКОВ. Не то что бы на ковёр, а для разговора. И там стали переводить стрелки на меня. Мол, не надо Туминаса трогать. "А вас не смущает, что на сцене русского академического театра граждан в сущности враждебной нам Литвы издается над нашими ценностями?" Нет, оказалось, не смущает, мы показываем так свою широту и приверженность общечеловеческим ценностям. Но едва началась СВО, Туминас уехал, пожелав нам провалиться в тартарары, зато Крок, подполковник отхвачшего Туминаса, стал вице-президентом "Золотой маски" и даже доверенным лицом главного кандидата в президенты. Как на это реагировать? Но я в таких случаях себя успокаиваю: Михаилу Афанасьевичу Булгакову, обложеному Латунскими и Берлиозами, было ещё хреновей, но ему Сталин позванивал...

Екатерина ГЛУШИК. Вы сказали, что к писателям ныне практически не прислушиваются, но на творческих встречах с писателями читатели задают вопросы в основном не о произведениях, а о волнующих политических событиях. На встречах с актёрами и музыкантами, например, этого не происходит. Почему, на ваш взгляд, люди за разьяснениями, советами обращаются именно к писателям? Роль писателей в русском обществе всё-таки сохранилась?

Юрий ПОЛЯКОВ. Сохранилась, скорее, память об этой роли. Сегодня писателей, которые не боятся откровенно высказать своё мнение, можно пересчитать по головам. Преобладает совсем другой тип: молчуны или бормотуны. Они никогда не выскажут-ся по поводу происходящего, разве повторят общечеловеческие мантры. Их к этому приучили. Помню эпизод, сидели в ЦДЛ я, Александр Андреевич Проханов и прозаик Пьещух, талантливый, кстати, писатель. Вдруг Пьещух, ничего не говоря, вскочил и выбежал. Мы с Прохановым пообсуждали, и он ушёл. Вскоре вернулся Пьещух, объяснился: оказывается, в зал вошёл председатель жюри Букера. "Ну и что такого?" "Ты не понимаешь! Если бы он увидел меня за одним столом с Прохановым, я бы даже в длинный список не попал!" Мы хоть раз слышали, чтобы тот же Володина высказался о том, что происходит в стране и мире? Ни слова! А он ведь член президентского совета по культуре. Так же вёл себя в два последние десятилетия своей жизни Владимир Маканин. И литературная молодёжь берёт с них пример.

К сожалению, материальная зависимость тоже влияет. Писателей, у которых книги расходятся большими тиражами, немного. Нас можно по пальцам пересчитать. Сейчас средний тираж 2–3 тысячи, а с него гонорар мизерный — только обмыть выход книги. Основным источником доходов для писателя сделали премии. Это очень лукавый ход. При советской власти какая система была? Сначала выходит книга, её оценивают читатели, критики. Если успех очевиден, тогда возможна премия. Сейчас всё перевернулось с ног на голову, иной раз награждают за рукописи... Премия стала не знаком качества, а элементом рекламы, коммерческой раскрутки. В этом смысле советский автор, книги которого широко расходились, был достаточно независимым в материальном отношении человеком. Сейчас на абсолютной зависим. Если ему не дали очередную премию, ему и жить-то не на что. Поэтому писатели и стоят по стойке "смирно". Причём команды им подаёт не государство, финансирующее премияльные фонды, а тусовка, преследующая вовсе не державные интересы. Это один из парадоксов устройства нашего культурного пространства, оно существует на казённый кошт, но служит совсем иным силам. Поэтому-то многие уехали из России, когда началась СВО.

Екатерина ГЛУШИК. Вы состояли в кадровом резерве на пост министра культуры России. В "Литературной газете" была рубрика "Если бы я был директором". А если бы вы были министром культуры, что бы вы хотели сделать непременно? Удалось бы вам что-то серьёзно поменять?

Юрий ПОЛЯКОВ. Если бы я стал министром культуры, то вскоре сошёл бы с ума. Это работа не для писателя. Да, я был в кадровом резерве. Это был 2008 год, тогда как раз курс начал меняться после Мюнхенской речи Путина. У меня неплохие анкетные данные: по возрасту подходил, кандидат наук, состоял в Совете по культуре при президенте, откуда меня, кстати, тогда вывели, когда я выпустил книгу "Желание быть русским". Видимо, это закономерное желание как-то несовместимо с пребыванием в президентском совете. И вот мне звонят: Юрий Михайлович, жепательно в ближайщие несколько дней куда-то уезжать и не злоупотреблять. И я с ужасом думаю: а вдруг пройду собеседование, и что тогда? Жизнь кончилась, прозвонялась. И когда жена мне сказала, что телевизор сообщил о назначении какого-то Авдеева, я прыгал от радости, даже выпил.

Конечно, сегодня нужна радикальная перестройка всей системы культуры. Ведь что получают: к примеру, государство через Фонд кино финансирует игровой фильм, посвящённый крещению Руси. Он выходит на центральный канале в День народного единства и называется "Викинг". Выходит, в момент противостояния с Западом за казённые деньги ЦТ навязывает обществу норманнскую теорию, которая серьёзными учёными давно оспорена. Если за такой ляп никто не отвечает и на следующий день не кладёт на стол партбилет, как это было в известные годы, система работать не будет. Нет партбилета — акции покожи на стол, и до свидания!

Одному человеку, даже уровня Луначарского или министра культуры Мелентьева, это не под силу. Должен поменяться целый слой чиновников. Надеюсь, когда в мирную жизнь вернутся люди, которые сейчас участвуют в СВО, они смогут кардинально что-то поменять. После колоссальных утрат и потерь Великой Отечественной войны небывало быстрое восстановление нашей страны, рынок вперёд во многом определялся тем, что к руководству в разных сферах пришли фронтовики. Это было фронтовое братство, они друг друга понимали с полуслова, многие вопросы решали без воплотки, как на передовой. Они осознавали сверхценность для России государства,

понимали значение культуры, у них было другое отношение к карьере, нежели сейчас.

Через СВО прошли десятки тысяч людей, и наша власть обязана привлечь этих пассионариев к решению насущных задач. Но их побаиваются, ведь если эти требовательные патриоты начнут наводить в стране порядок, то неудобные вопросы зададут всем без исключений.

Екатерина ГЛУШИК. Вы сказали, что если бы стали министром культуры, то сошли бы с ума. Считается, человек творческий — не вполне организованная, способная к управлению натура. Но вы были главным редактором "Московского литератора", руководили "Литературной газетой", подняв её буквально со дна, сделав одним из уважаемых и интересных изданий, организовали фестиваль пьес, учредили Национальную ассоциацию драматургов. Это ваша неуёмная гражданская позиция "если не я, то кто же"? Или вы просто трудоголик?

Юрий ПОЛЯКОВ. Министерство — это работа прежде всего с аппаратом. В своё время я был молодым коммунистом, членом парткома Московской писательской организации, кандидатом в члены ЦК комсомола, и меня настойчиво приглашали на работу и в ЦК ВЛКСМ, и в горком партии... К удивлению многих, я отказался. Я столкнулся с аппаратной работой, покорпев в райкоме (об этом повесть "ЧП районного масштаба"). Аппарат и писательство несовместимы. Газета — другое дело, это живой, творческий процесс. Меня позвали в "Литературную газету" в 2001 году. Тогда в основном печать была захвачена либералами. Такие издания, как "Завтра", преминица "Дня", "Наш современник" целенаправленно маргинализировались. Я подумал: надо отвоёвывать, как у мавров. И тогда в "Литературной газете" появились имена Распутина, Белова, Проханова, крупнейших русских писателей, которых в "Литературной газете" не упоминали десять лет. Вернулся на логотип профиль Горького. Но без малого семнадцать лет работы на посту главного редактора мне хватило. Я ушёл по своему желанию, сил и на газету, и на литературу уже не оставалось. Я выбрал творчество. Если бы остался, то не представлял бы сейчас третью книгу "Соведства".

Екатерина ГЛУШИК. Вы говорили о классике. Извините мне открытую лезть, но ваши произведения — это современная классика: прекрасный написанный текст, который хочется перечитать — романы ли это, стихи ли, публицистика ли, беседы ли с вами. А преподавать в Литинститут вас не звали?

Юрий ПОЛЯКОВ. Охотно извиняю. В Литинституте я работал. Когда умер писатель Владимир Амлинский, который вёл семинар прозы, меня попросили довести студентов до диплома. Позднее ректор Литинститута Сергей Есин уговаривал меня, но на мне была "Литературная газета", а это нереально — серьёзно заниматься преподаванием, писать книги и быть главным редактором. Где-то пришлось бы халтурить, а я так не умею. При нынешнем руководстве Литинститута сотрудничество исключено. Я не был сильно удивлён, когда узнал, что часть студентов Литинститута выступила против СВО. Напомним, 23 июня 1941 года студенты, даже студенты Литинститута подали заявления, чтобы идти добровольцами на фронт. Почувствуйте разницу.

Екатерина ГЛУШИК. Да, было бы обидно, если бы вы не написали "Соведство", а вместо этого стали министром. Книга очень популярна. О ней говорят, просят писать продолжение. Чем объясняется её успех?

Юрий ПОЛЯКОВ. Во-первых, каждый человек помнит своё детство. В течение дня мы не раз вспоминаем его. Так устроено наше сознание. Второй момент — мощная традиция: практически все крупные русские писатели создали замечательные произведения, посвящённые детству. Кто-то, как Лев Толстой, начал с них жизнь в литературе, кто-то, как Лев Кассиль, обратился к теме в середине жизни, Аксаков и Шмелёв — на склоне лет. Это мощный пример, и он увлекает, думаешь: может, и мне попробовать? Окончательно я решил сесть за этот цикл, когда мне присудили стараниями Михаила Чванова премию Аксакова. Вручать должны были в Уфе, у меня было месяца полтора до этого торжества, а я подумал, что надо бы освежить в памяти "Семейную хронику", чтобы не ударить в грязь лицом. Перечитывал и думал: Боже, какая грандиозная литература и по языку, и по типажам, и по вкусу времени. В юности этого ещё не понимаешь. Тогда-то и решил попробовать.

Когда первая книга, выпущенная издательством "АСТ", мгновенно разлетелась, решил: пока идёт, буду продолжать. И вот уже третья книга. Будет и четвёртая, последняя. Про школьные будни, про мою 348-ю школу. А то Юра Полюханык выйдет каким-то бездельником: то в пионерском лагере прохлаждается, то собак гоняет по Балакиревскому переулку, то едет с родственниками на Чёрное море дикарём. Бог даст, к своему семидесятилетию напишу.

И третий фактор. Неплучайно подзаголовок "Соведства" — "Книга о светлом прошлом". Меня возмущает, какую чепуху о своём советском детстве пишут иные мои сверстники, словно они в Освенциме выросли, все эти девчонки-мальники из благополучных номенклатурных семей. Такое ощущение, что у советской власти со всеми её карательными органами не было более важной задачи, чем отправить детство какой-нибудь Люде Улицкой или Вите Ерофееву. Политбюро собиралось, и Брежнев строго спрашивал: "А какую ещё гадость мы этим несчастным детям сделали? Где Госплан? Надо срочно что-то придумать!"

Екатерина ГЛУШИК. Говорили вы себе: ай да Поляков, ай да сын такой-сякой?

Юрий ПОЛЯКОВ. Я чаще называю себя "сукиным сыном" в прямом значении: когда что-то не получается. Я не принадлежу к писателям, которые получают кайф от процесса написания. Это тяжёлый труд, связанный с постоянным недовольством собой. У меня много вариантов и редакций. Текст поэтатно шлифуется. Последнюю редакцию я называю "работа нулевой шкуркой". Кто имел дело с деревом, знает — это уже почти бархат, замша. Вот это я люблю, и в такие минуты нет-нет, но обзовёшь себя "сукиным сыном" в пушкинском смысле.

Екатерина ГЛУШИК. Создание Национальной ассоциации драматургов — это необходимо или прихоть?

Юрий ПОЛЯКОВ. Несколько лет назад мы с единомышленниками создали эту ассоциацию — НАД — и стараемся что-то делать в области драматургии. В газете "Культура" у меня недавно вышло большое интервью, во многом посвящённое проблемам театра. НАД создан не случайно. Когда в России 2019-й объявили Годом театра, я был председателем Общественного совета при Министерстве культуры, и вот тогдашний министр Владимир Мединский нас собрал по этому поводу. На этом совещании я сидел напротив Александра Калыгина, который в то время был председателем Союза театральных деятелей. Спрашиваю: "Александр Александрович, вот список орпо-

митета Года театра, в нём без малого сто фамилий, сплошные директора, худруки, финансисты, чиновники, но нет ни одного драматурга. Вы что ставите на сцене? Бухгалтерские отчёты? Вы же ставите пьесы! Где драматургия?" Он на меня посмотрел, как Чичиков на Собакевича, ничего не ответил. Потом все сетовали: ах, как же так!

Но прошло время, состоялся съезд Союза театральных деятелей. Поменялся председатель. Новым был избран Владимир Машков, вроде бы патриот. Избран секретариат — сорок человек, и снова ни одного драматурга. Вы как собираетесь театр обновлять? За счёт классики и переводных пьес не получится. Национальный театр обновляется за счёт современной драматургии. Именно она диктует сценический язык, а не наоборот. Если ты одел Гамлета в палмспри, значит, по-новому прочёл Шекспира? Да ничего ты не прочёл! Это очередной эпатаж, который забудется, как только Гамлет поменяет пол. Все наши классики: Чехов, Островский, Андреев, Найдёнов, Горький, Эрдман, Булгаков, Вампилов и другие — сначала были современными, даже злободневными авторами, а потом уже стали классиками. Не Чехов появился, потому что создали МХАТ, а МХАТ возник, потому что появился Чехов.

Андрей Житинкин в Малом театре недавно поставил пьесу Розова "Вечно живые", идущую под иконназванием "Летят журавли". Оказывается, первый вариант пьесы Розов написал в 1943 году. А возможность поставить появилась только во второй половине 50-х годов на сцене юного "Современника". Углавливайте, что раньше? Вот почему наш театр плетётся в хвосте событий. Государство сыплет миллиарды, а они достаются экспериментальной чепухе, людям не интересной. Это драматургия для выездных театральных фестивалей на Запад: поставили, обгадили Отечество, вывели, получили диплом в рамке, и тут же спектакль сняли с репертуара, потому что наш зритель на такое не ходит. Рад бы сказать оптимистические слова относительно театра, но пока не вижу поводов. Возможно, Владимир Машков оглядится на своём новом месте и поймёт, что есть ещё драматургии.

Екатерина ГЛУШИК. Из ваших пьес не выйдет театр, как он вышел из Чехова и Розова?

Юрий ПОЛЯКОВ. Я несколько раз обращался с предложением ещё к Мединскому, к другим высокопоставленным людям: дайте нам, НАДу, возможность создать театр современной драматургии. Не Школу современной пьесы, где был Райхельгауз, а теперь Астрахан, и хрен редкщи не слаще. Я случайно в Баку на сцене русского драматического театра видел, что эта "Школа" показывалась на 9 мая. Бедные азербайджанцы не знали, куда глаза девать. Однако наше предложение осталось без ответа. Видимо, нас, драматургов, развивающих лучшие традиции русского театра, побаиваются, как бойцов СВО, и по той же причине.

Екатерина ГЛУШИК. Ваша повесть "Сто дней до приказа" имела ошеломительный успех. На встрече с читателями женщина, работавшая в гарнизонной библиотеке, сказала, что на журнал "Юность" очередь была расписана на полтора года вперёд.

Юрий ПОЛЯКОВ. Написал я повесть в 1980 году, вскоре после возвращения из армии. Служил я в Группе советских войск в Германии. К моменту окончания повести я был довольно известным молодым поэтом, секретарём комсомольской организации Союза писателей. Повесть печатать сразу же запретили, но со мной работали — приглашали на беседы в Министерство обороны, в ГлавГПР (Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота. — Ред.), в КГБ. Там меня не ругали, а старались объяснить позицию власти. Один толковый генерал сказал: "Ты пойми, как у нас устроено

наше государство. Если мы признаём социальный недостаток, "узкое место", разрешаем напечатать об этом статью, издать книгу, снять фильм, Советская власть таким образом признаёт свои промахи и недоработки. Но тогда надо сразу же предложить систему мер по ликвидации этой язвы". Так работала система. Неплохо работала. Думаю, если бы не внутренняя измена, мы бы жили нынче при реформированном советском строе, социализме с элементами рынка, и олигархи, владеющие нашими недрами и оборонными заводами, никому бы даже в кошмарных снах не являлись. А "дедовщина", объяснял генерал, это настолько сложная, системная беда, что пока мы даже не знаем, как с ней бороться. Это болезнь всего общества, не только армии. Но мы над этим работаем. И вот в 1984 году мне звонит вхожий во властные коридоры приятель, говорит: было совещание по твоей повести в ГлавГПРе. Представляете уровень? По неопубликованной повести молодого автора проводят совещание. И начальный ГлавГПРа Лизичев сказал: повесть будем публиковать, но в нашей армейской печати, в журнале "Советский воин", у которого тираж — миллион экземпляров. Потом целый год будем там же обсуждать, спорить, возражать, в чём-то соглашаться, доводы приводить...

Это очень хороший ход. Я ведь тоже не во всем был прав. У меня-то взгляд на армию рядового срочной службы. А есть ещё офицерский взгляд, генеральский... Но перед публикацией решили проголосовать на коллегии, чтобы потом была, если что, коллективная ответственность. И вот на коллегии один из заместителей Лизичева, генерал-полковник, заявил: "Я категорически против этой повести, она нанесёт урон нашим Вооружённым силам. Если вы примете решение печатать, я напишу особое мнение в военный отдел ЦК партии". Кому нужны проблемы? Никому. Решили отложить публикацию. А фамилия того генерала — Волкоготовов. Вот такие чудеса.

"Сто дней" напечатали в 1987 году, когда Руст приземлился на Красной площади. Думаю, эта посадка была инспирирована, Горбачёву надо было убрать военную верхушку, готовую его сместить. Жаль, не успели. Всех разом поносили, и главный редактор "Юности" Андрей Демьянцев поставил повесть в номер. Ему сразу же позвонили из военной цензуры, мол, зря вы это сделали, мы всё равно не пропустим. На что Демьянцев ответил: мы лучше бы Руста на Красную площадь не пропустили. И повесть вышла, наделав много шума. Но только спустя годы я понял: страна, где главный редактор может послать военную цензуру, долго не простит. Это я вам говорю как большой поборник свободы слова.

Екатерина ГЛУШИК. Будучи главным редактором "Литературки", вы предпринимали попытки объединить писателей. Не получилось?

Юрий ПОЛЯКОВ. К сожалению, русские литераторы очень разобщены, свои амбиции они порой любят больше Родины. Все мои попытки сплотить и объединить братьев-писателей наталкивались на вопросы, а зачем это Полякову нужно? Он, наверное, хочет всех поднять и калифествовать. Давайте мы лучше накатаем на него клязю в Администрацию Президента. Наши либеральные оппоненты в этом отношении работают, как сложенная команда, которая выстраивается по первому сигналу. Союз писателей России такого влияния на процесс не имеет. Оно было утрачено, когда ушёл с поста могучий Сергей Владимирович Михалков, а авторитетный Юрий Васильевич Бондарев, утомившись рутиной, передал полномочия. Сейчас ситуация героически пытается выправить нынешний председатель СП РФ Николай Фёдорович Иванов. Я ему, как умею, помогаю. Но восстанавливать морально-духовное влияние на власть и на читателя очень тяжело. Утратить легко, а возвращать трудно.

Екатерина ГЛУШИК. Юрий Михайлович, спасибо за интересный и обстоятельный разговор.

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Ответственный секретарь — Наталья КЕРИМОВА

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года.
Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.

Е-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/>
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.

Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 17 000

Заказ № 0165-2024

Дата выхода в свет — 24.01.2024 г. Подписано в печать 23.01.2024 г. в 14.00, по графику — в 14.00